

Левша — эпизод 7 из 13

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

Готово ли?

Всё, отвечают, готово.

Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжен, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме ее ничего больше нет.

Платов говорит:

Это что же такое? А где же ваша работа, которою вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

В чем же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, и предусматривайте.

Платов плечами вздвигнул и закричал:

Где ключ от блохи?

А тут же, отвечают. Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил, никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

Напрасно так нас обижаете, мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти он увидит, каковы мы у него

люди и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

Ну, так врете же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости. И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шивороток косого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

Сиди, говорит, здесь до самого Петербурга вроде пубеля, ты мне за всех ответишь. А вы, говорит свистовым, теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся и, погрозивши, говорит: Вот вам тугамент! А казакам говорит:

Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони все враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихонечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится. Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает: А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

Нимфозория, говорит, ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

Ты старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.